

ДМИТРИЙ

ШУМИХИН

КЛАД

НЕРЕАЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

2
СЕЗОН

Дмитрий Шумихин

Клад

«Автор»

2026

Шумихин Д.

Клад / Д. Шумихин — «Автор», 2026

Для любителей триллеров без скидок. Кровь, пот, ржавые грабли и химическая чистота смерти. Здесь нет героев. Есть люди, делающие выбор. Ценители пульсирующего ритма, визуальную жестокость и психологическую ловушку без выхода, найдут здесь своё. Чтение без провисающих сцен. Сердце будет колотиться. Лёгкие сжимаются от страха, когда за спиной чужое дыхание. Вы увидите, как легко человек переступает черту. И как трудно вернуться обратно. Готовы заглянуть за грань? Что вы выберете, когда на кону ваша жизнь? И сколько вы готовы заплатить, чтобы просто остаться в живых? Триллер, оставляющий след под кожей. Только помните, что в этом лабиринте нет выхода. Есть только цена. Назад дороги нет. Открывайте «Клад».

© Шумихин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дмитрий Шумихин

Клад

Глава 1.

Скрип грабель по мёрзлой земле. Этот звук вьелся в мозг ещё в прошлом ноябре, когда первый снег припорошил грязь. Шерзоду так и сказали.

— Твоя зона — от подъезда и до гаражиков.

Теперь грабли шкрябают. Когти по стеклу. Хруст веток под подошвами. Каждая веточка трещит по-своему. Дыхание вылетает изо рта белое и рваное. Клубится перед лицом. Шерзод видит в этих клубках то овечью шерсть, то дым над чувалом в горах.

Он ковыряет землю граблями. Выскребает. Так выскребают рыбы внутренности перед тем, как выбросить кишки псам. Ритм. Чуть нажим, если наткнулся на спрессованный лёд. Чуть слабее, если попало прошлогоднее месиво из листьев и окурков. Пальцы в дешёвых перчатках не чувствуют холода.

Москва в марте — грязный пластырь на лице весны. Поэт, мусорящий в интернете своими страданиями. Весна дышит в замочную скважину. Весна ссыт грязной водой из-под осевших сугробов, капает с крыш ржавыми каплями, лезет в ботинки ледяной жижей.

Снег лежит клочьями. Старая вата из выпотрошенного дивана, выброшенного на помойку в августе. До сих пор мокнет под забором, выставляя наружу пружины. Рёбра дохлой кошки. Под снегом чёрная земля с прожилками жирной глины. Когда грабли заходят глубже, оттуда несёт прелью, кислятиной и гнилью. Ноющие виски. Тоска.

Алайская долина.

Она приходит болью. Для неё безразлично, спишь ты или метёшь двор. Горы возникают перед глазами внезапно острыми зубами. Оскал огромного зверя, который прилёт отдохнуть миллионы лет назад, а когда проснётся — неведомо. Склоны в прожилках старого снега, не тающего в горах даже в июле.

Гнедой конь с белой звёздочкой на лбу, когда-то казавшаяся Шерзоду знаком судьбы. Таким же ясным, как Полярная звезда над кишлаком. Конь фыркает, бьёт копытом, из ноздрей валит пар. Пар смешивается с дыханием десятилетнего мальчишки, только что научившегося держаться в седле не за гриву, а за узду.

— Держись коня, Шерзод, — говорит отец. — Держись, сынок. Конь тебя не выкинет.

Отец. Руки в прожилках. Корни старых деревьев, видевшие и засуху, и наводнение, и землетрясение. Руки держат кетмень. Отец окапывает абрикосовые деревья. Солнце прячется за самый острый зуб горы.

— Деньги не пахнут, сынок, — голос отца — густая патока. В нём нет сомнения, потому что сомнение — это роскошь для крестьянина. — Главное — трудись. Всё придёт. Земля любит терпеливых.

А потом поезд. Вонь перегара с потом и жареная курица. Москва. Больше гор. И двор, где грабли стали продолжением рук.

Граблями шкряб. Ветка. Шкряб. Слипшийся пакет из супермаркета. Ещё видна улыбающаяся морда какого-то зверька. Зверёк уже выцвел до неузнаваемости, улыбается скелетом. Шкряб. Окурочек, расплюснутый в лепёшку. Гербарий табачного рая. Шкряб. Застывшее в грязевом янтаре собачье д*рьмо с вкраплениями семечек.

Философия московского марта. Потеплело — подтаяло. Приморозило — затвердело. Оттаяло — поплыло. Сейчас снова застыло, но уже в новой форме. Шерзод нанизывает д*рьмо на зубья грабель. Оно нехотя отрывалось, оставляя бурую полосу на мёрзлой корке.

И вдруг! Розовый блик.

Просто мусор. Обрывок пакета. Или сдутый воздушный шарик. Дети играли на дне рождения, пока кто-то не заплакал, а шарик не улетел, мечтая о лучшей жизни. Но нет.

Плотный блик с маслянистым отливом. Кожа рыбы, пойманной дядькой в Иссык-Куле. Изолента. Гладкая. Лакированная кожа чужого портфеля. Изолента обматывает прямоугольник размером с пачку чая, но тяжелее. В руке, когда Шерзод поднимает находку, чувствуется настоящий уважаемый вес.

Клад.

Сердце. Тук-тук-тук. В висках, в горле, в пальцах. Грабли выскальзывают, падают на мокрую землю с глухим стуком. Никто не обернулся. Во дворе ни души, только голуби на карнизе, смотрящие на Шерзода своими круглыми пустыми глазами. Им нет дела до жизни человека этим мартовским утром.

Алымкул. Двоюродный брат. Говорил об этом прошлым вечером. Они пили чай в его съёмной комнате, где обои пузыряются от сырости. Старший брат знает, как устроен этот город. Наклонился к самому уху.

— Закладки, Шерзод. Слышишь? Закладки. В интернете заказывают. Под деревьями находят. Деньги из воздуха. Никто не узнает. Главное — первым найти. Найдёшь — звони.

Шерзод тогда смолчал, только кивнул. Перечить Алымкулу? Перечить горной лавине. Можно, но зачем?

А теперь — свёрток в руке. Розовый. Тёплый? Ему кажется, что изолента хранит тепло чьих-то рук, спрятавших клад под полусгнивший лист вчера или сегодня утром, пока Шерзод спал и в очередной раз видел сон про горы, отца и гнедого коня.

Он вертит свёрток, сжимает. Внутри что-то плотное. Тщательно упаковано. Новый и незнакомый запах, не имеющий ничего общего с прелью и собачьим дерьмом. Запах денег? Запах опасности?

Озирается.

Окна многоэтажек — слепые глаза. Серая панель. В некоторых окнах шторы задёрнуты, в некоторых — нет. За стёклами кто-то завтракает, смотрит телевизор, ругается с женой, чистит аквариум. Кто-то из них видит? Кто-то смотрит сейчас на дворника, замершего посреди двора? Вон там! На пятом этаже. В окне с геранью — фигура? Или просто тень от люстры? А на третьем? Бельё на верёвке сохнет, хотя на улице минус. За бельём кто-то прячется?

Рука сама хватается свёрток крепче, вжимает в живот. Под старую синтепоновую куртку. Из неё лезут белые нитки, похожие на седину. Свёрток холодит через ткань, но Шерзоду жарко. Он облизывает сухие губы.

Телефон. Гудки. Алымкул отвечает на четвёртом.

— Нашёл что? — Голос брата с хрипотцой. Курит сигарету за сигаретой, лёжа на продавленном диване, глядит в грязный потолок.

Шерзод шепчет, хотя вокруг никого.

— Да В листьях Свёрток. Розовый. Тяжёлый.

— Молчи, — голос Алымкула становится ниже. Почти шёпот. Шерзод слышит, как брат садится на кровати. Скрип пружин. — В дворницкой спрячь. За батареей. Под тряпками. Я вечером. Никому. Трубку не бери, если не я. Понял?

— Понял.

Трубка глохнет. Отбой.

Шерзод сжимает свёрток. Деньги из воздуха, пахнувшего выхлопными газами, мокрым асфальтом и чужими жизнями. А вокруг — Москва. Серая, как пепел. Пепел от костра, в котором сгорело что-то очень важное.

Грабли валяются в луже. Шерзод перешагивает через них, идёт к дворницкой. Маленькая каморка с облупившейся дверью. Он открывает дверь, заходит, прикрывает за собой. Темно.

За батареей стоят пыльные бутылки. Скомканная газеты. Он кладёт свёрток туда, накрывает тряпкой, бывшей когда-то белой, ставшей серо-жёлтой. Зубы старого курильщика. Прячет.

Выходит во двор. Поднимает грабли. Снова шкряб. Земля не изменилась. Двор не изменился. Но что-то стало другим. Шерзод не знает, что именно. Он только слышит, как в висках стучит.

— Деньги из воздуха! Деньги из воздуха!

И где-то далеко на самом краю сознания отец повторяет.

— Трудись, сынок.

Алымкул же шепчет.

— Молчи.

И грабли поют свою железную песню. Шкряб. Шкряб. Шкряб.

Глава 2.

Дворничкая — выпотрошенный желудок дома. Жесть стен покрыта слоем ни краски, ни ржавчины, ни плесени. Нечто среднее, живущее своей жизнью. Оно дышит, отслаивается, осыпается мельчайшей чешуёй, когда Алымкул проходит мимо, задевая плечом.

Лампочка — глаз невротика под потолком. Мигает с частотой больного пульса. Свет то наваливается жёлтой тяжестью, то отступает, оставляя после себя тени. Они шевелятся по углам мокрицами, разогнанными ударом ноги.

Запах. Спёртый воздух, в котором растворились годы. Махорка, которую никто уже не курит. Пот рабочих рук, оставленный на деревянных черенках лопат. Кислое молоко из чьей-то выброшенной кружки. Дух гниющей картошки. Клубень закатился за мусоропровод, теперь он превращается в чёрную слизь.

Входит Алымкул. Этот коктейль смешивается с новым компонентом. Запах его куртки. Дешёвый парфюм с рынка. Палёный Расо Rabanne от знакомого таджика. Приторный. Раздавили конфету в грязи и мажут ею по губам. Цветы, простоявшие в воде на две недели дольше положенного.

Алымкул оглядывает стены. На них пятна. Картография чужой нечистоплотности. Брызги от ведра. Кто-то слишком резко выплеснул. Серые разводы, похожие на силуэты материков. Где-то выше почти под потолком написано «Здесь был Вася». И год, стёршийся в небытие.

Алымкул усмехается краешком губ. Пять лет назад он сам стоял на этом полу. В таких же резиновых сапогах. Только тогда сапоги были дырявые, а сейчас на нём кожаные ботинки. Он помнит, как мёл этот двор, как выливал ведра с мусором в контейнер, как нёс на себе тяжесть первых московских месяцев. А теперь у него в кармане айфон. На запястье — часы с позолотой, уже начавшей слезать, но всё равно красиво.

Шерзод стоит у ящика с вениками. Он уже переоделся. Рабочая куртка с белыми нитками брошена на крючок. Вместо неё — чёрный «пуховик» из перехода. Джинсы, сидящие мешком. Кроссовки, купленные в «Садовое».

В руках у него розовый свёрток. Изолента блестит под мигающей лампой. То вспыхивает маслянистым гляncем, то гаснет, становясь похожей на старую жвачку, прилипшую к асфальту.

Шерзод протягивает находку брату. Пальцы их встречаются на мгновение. Ладонь Алымкула сухая и горячая. Ладонь Шерзода липкая от волнения.

Алымкул берёт свёрток, взвешивает на руке. Глаза его сужаются от хищного расчёта. Он подносит упаковку к носу, но не нюхает, а втягивает воздух ртом. Предвкушение.

Быстрые пальцы работают привычно. Он разматывает изоленту, отдирая её полосами. Разрыв кожи. Розовая лента падает на пол, сворачивается в улитку. Дальше — пищевая плёнка. Наконец — прозрачный пакетик с застёжкой зип-лок.

Он подносит пакетик к лицу, приоткрывает застёжку на миллиметр, нюхает воздух. Затем удовлетворённо кивает. Внутри много. Так много Алымкул не видел никогда. Кристаллическая пыль. Иней на окне в декабре.

— ***, — выдыхает Алымкул. Голос его сел, хотя он не кричал. — Чистый. Совсем без вони.

Вспоминает. Тот вечер в парке. Ноябрь. Снег крупной сыплется с неба, хрустит под подошвами. Внутри тогда было тепло, как от водки, но без тяжести в затылке. Лёгкость. Алымкул парил над этим городом. Не дворник, не гастарбайтер, а кто-то важный и умный.

Денис, с которым они часто вместе грузили мешки в фуры, ухмылялся тогда.

— Ну что, почувствовал? — А потом убрал пакетик в карман. — Больше не дам, сам мути.

И Алымкул понял, что он найдёт способ.

Шерзод смотрит на пакетик. Перед ним кобра, свернувшаяся в кольца. Он никогда не видел этого вещества так близко. В кишлаке пили ***, ***, от которого кружится голова и текут слюни. Но это Это другое. Жизнь мегаполиса. Та, о которой шепчутся в подъездах и показывают в телефонах на закачанных роликах.

— Ты будешь это ***? — спрашивает Шерзод. Голос его предательски ломается.

— Да не бойся ты. Разок — и ничего. В Москве все так делают.

— А опасно?

— Да ху*ня! — Алымкул уже достаёт из кармана бумажник, вытаскивает ***. *** её в ***, как делал Денис. Пальцы его чуть дрожат от нетерпения.

— Как в кино, — думает Шерзод.

Он видел такие сцены в американских фильмах, крутящихся по телевизору в чайхане. Тогда мужики собирались у экрана, пили зелёный чай и смеялись над дурацкими погонями. А теперь это кино пришло к нему в дворницкую, пахнущую гнилой картошкой.

Алымкул наклоняется над пакетиком. Шерзод не видит, что именно он делает. В этот момент лампочка гаснет на целых две секунды, а когда зажигается снова, брат уже выпрямляется, запрокидывая голову.

Лицо его расслабляется. Человек, только что погрузившийся в тёплую воду. Наконец выдохнул. Веки потяжелели. Зрачки расширились, стали огромными. Чёрные горные озёра в безлунную ночь.

— Во-о-от, — выдыхает он. — Теперь ты.

И протягивает *** Шерзоду.

Младший брат колеблется. Тихий голос любопытства. Липкий и назойливый. Он ползёт по позвоночнику муравьём. Шерзод не может его стряхнуть. Он смотрит на пакетик, на ***. Когда только Алымкул успел это сделать для него?

Если брат сделал, значит можно. Он же не дурак. Он старше. Он знает город. Шерзод берёт ***. Пальцы его не слушаются, *** выскальзывает, падает на пол. Он поднимает её, вытирает о джинсы.

Алымкул уже не смотрит на него. Алымкул сидит на перевёрнутом ящике, улыбаясь чему-то своему. Мир для него сейчас — это розовый пузырь, внутри которого нет ни холода, ни грязи, ни Москвы.

Шерзод наклоняется.

Что происходит дальше, он не может вспомнить внятно. После жадного вдоха реальность распалась на осколки. Лампочка перестала мигать. Или замигала ещё быстрее? Пол ушёл из-под ног, но не вниз, а внутрь.

Сердце было где-то в горле, потом в висках, потом в кончиках пальцев. Жар. Будто кто-то разлил кипяток по венам. От плеч до запястий. Следом — сжатие. Грудная клетка стала тесной, рёбра вдруг показались слишком хрупкими. Шерзод почувствовал, что если сейчас кто-то дотронется до него, кости рассыпятся сухой глиной.

Он хватается за горло, но воздуха нет. Нет! Он смотрит на брата. Алымкул уже не сидит на ящике. Он на полу. На бетоне, покрытом слоем нечистот. Бьётся. Тело его выгибается дугой. Пятки стучат по полу. Из рта идёт белая пена с розовой примесью, потому что он прикусил язык. Глаза Алымкула закатились так, что видно только белки. Он не кричит. Не может.

Шерзод хочет позвать на помощь, но голос пропал. Хочет встать, но ноги ватные. Сердце колотится с такой скоростью, что удары сливаются в один непрерывный гул. Он падает рядом с братом. Лбом в грязь. Сквозь пелену он видит руку Алымкула. Дёргается, царапает пол, замирает.

В кармане куртки Алымкула звонит телефон. Сначала один раз, потом ещё. Шерзод знает этот рингтон. Мать звонит. Она всегда звонит в это время. Поел ли сын? Не холодно ли ему? Когда прийдёт денег?

Вибрация повторяется снова и снова. Пять вызовов. Десять. Шерзод лежит на полу, чувствуя, как горячая моча растекается под ним. Он не удержал мочевого пузыря. Ему стыдно. Стыд приходит откуда-то издалека. Эхо в горах. Стихший крик.

Потом абсолютная темнота. Плотная. Без единого проблеска. Лампочка наконец перестала мучиться и погасла навсегда.

Тишина.

Во дворе за окном дворницкой начинает падать снег. Где-то далеко другие грабли шкрябают по мёрзлой земле. Шерзод сейчас там, где нет ни звуков, ни запахов, ни боли.

Бесконечный белый свет, в котором он видит отца. Отец стоит у абрикосового дерева, держит кетмень и не говорит ни слова. Только медленно качает головой. Маятник старых часов, давно уже показывающих неправильное время.

Только телефон Алымкула, лежащего на боку с открытым ртом, подаёт последний сигнал и замолкает. Зарядка кончилась. Ответа не будет. Никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.